

Илья Муромец и Калин-царь (5)

Как Владимир-князь да стольне-киевский
С Ильей Муромцем да й порассорился,
Порассорился с козáком Ильей Муромцем,
Засадил козáка Илью Муромца
А на тыя ль на погребы глубокии,
А на тыя ль на ледники холодныи,
А за тыи за решетки за железныи,
А на тыя на кáзени на смертныи.
Не на мало поры-времени — на трí году,
Нá три году й на три месяца,
Чтобы не был жив дородний добрый молодец.
У ласкового князя у Владимира
А любимая была дочка одинакая,
Она видит — дело есть нехорошее:
Посадíли дородня й добра молодца
А на тыя погребы глубокии,
А на тыи ль ледники холодныи,
А за тыи за решетки железныи,
А на тыя на кáзени на смертныи,
Не на мало поры-времени — на трí году,
Нá три году й на три месяца,
А который бы дородний добрый молодец
Постоять бы мог за веру й за отечество,
Сохранить бы мог да й стольней Киев-град,
А сберечь бы мог бы церкви божии,
А сберечь бы мог князя Владимира.
Она сделала ключи поддельныи,
Положила людéй да й потаённыих,
А снесла óна й ествушки сахáрныи,
Да й снесла óна питьвица медвяныи,
Да й перинушки-подушечки пуховыи,

А одьялышки снесла теплыи,
На себя она шубоньку ведь ю куньею,
Сапоженки на ноженки сафьянныи,

На головушку ша́пку соболиную,
В полону́ сидит дородний добрый молодец,
В полону́ сидит да й под обидою,
Он не старится да й лучше ставится.
А тут в ту ль пору, в тое ль времячко
Да й на тот на славный стольний Киев-град,
Воспылал собака ли царь Ка́лина.
Посылает он посла да й в стольней Киев-град,
Пословесно собака он наказывал,
Говорит-то й собака таковы слова:
— Поезжай-ка, мой посланник, в стольный Киев-град,
Заезжай-ка к князю й на широкий двор,
Станови коня ты богатырьского,
Выходи на матушку й сыру землю,
Ты й спускай коня на двор да й не привязывай,
Ты иди в палату белокаменну,
На пяту ты дверь да й поразмахивай,
Не за́пирай дверей в палату белокаменну,
Не снимай-ка кивера ты со головушки,
Не клади креста́ да й по-писа́нному,
Не веди поклонов по-ученому,
А ты князю Владимиру й не кланяйся,
Яго всем князьям да й подколенным.
Положи-тка грамоту на зóлот стол,
Пословесно князю выговаривай:
«Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
А очисти-тка ты улицы стрелецкии,
Все ширóки двóры княженецкии,
А наставь-ка ты хмельни́х напиточёк,
Чтобы бочечка о бочечку й частехонько,
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Ка́лине
Со своима й войсками со великима».

Тут поезжа́ет посланник в стольней Киев-град,
Он садился молодец да на добра́ коня,
Приезжал во славный стольней Киев-град,
Заезжал ко князю й на широкий двор,
Становил коня да й богатырьского,
Выходил на матушку й сыру́ землю́,

Он спускал коня во двор да й не привязывал,
Скоро шел в палату белокаменну,
На пяту он дверь да й поразмахивал,
Не запира́л дверей в палату белокаменну,
Не снимал он кивера да й со головушки,
Не кладет креста он по-писа́нному,
Не ведет поклонов по-уче́ному,
А он князю Владимиру й не кланялся,
Яго всем князьям да й подколенным,
Положил он грамоту й на зóлот стол,
Пословесно князю й выговаривал:
— Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
А очисти-тка ты улицы стрелецкии,
Все ширóки двóры княженецкии,
А наставь-ка ты хмельни́х напитокóк,
Чтобы бочечка о бочечку й частехонько,
А частехонько было, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Кáлине
Со своима й войсками со великими

Тут Владимир-князь да й стольне-киевский
А садился князь Владимир на ременчат стул,
А писал он грамоту й посыльнию
А тому ль собаки царю Кáлины,
А просил он строку поры-времени,
Не на мало поры-времени — на трí году,
Нá три гóду и на три месяца:
— Ай же ты, собака ли царь Кáлина
А дай-ка мни сроку поры-времени
Не на мало поры-времени — на трí году,
Приочистить улицы стрелецкия,
Все ширóки двóры княженецкии,
А наставить хмельни́х напитокóк,
Чтобы бочечка о бочечку частехонько,
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Кáлине,
Со своима й войсками со великима.

Подает он грамоту послу да й во белы́ руки,
Тут пошел посланник на широкий двор,
А садился посланник на добра́ коня,

Приезжал посланник к собаке царю Кáлине,
Подавает он грамоту посыльнию
А тому ль собаке царю Кáлины.
Етот собака ли царь Кáлина
Прочитал он грамоту й посыльнию
От того ль от князя й от Владимира,
А дает он яму строку поры-времени,
Не на мало поры-времени — на трí году,
Нá три году й нá три месяца —
Приочистить улицки стрелецкии,
Все ширóки двóры княженецкии,
А наставить хмельных напитков,
Чтобы бочечка о бочечку й частехонько
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Кáлине
Со своима й войсками со великима.
Да й прошло тут времячки по год поры,
Да й прошло тут времени по двá году,
Да й прошло тут времени по трí году,
Ведь по трí году й пó три месяца.
Тут доклáдуют ко князю ко Владимиру:
— Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
Ты сидишь во тереме златом верьхи,
А ты ешь да й пьешь да й прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь.
А ведь твой-то славный стольней Киев-град
В полонú стоит да й под обиду, —
Обошла его литва поганая
А того ль собаки царя Кáлины,
Он хочет черных мужичков твоих повырубить,
Хочет божья церкви все на дым спустить,
А тебя, князя Владимира, в полон-то взять
Со Опраксией да королевишной.
А в полон-то взять да й голову срубить.
Прикручинился Владимир, припечалился,
Он ходил по горенке столовой,
Да й погуливал о столики дубовыи,
Да й ронил Владимир горячи слезы.
Говорил Владимир таковы слова:

— А я глупость сделал князь да стольне-киевский —
Засадил дородня й добра молодца,
Старого коза́ка Илью Муромца
А на тыя погребы глубокии,
А на тыи ледники холодныи,
А за тыя ль решетки за железныи,
Не на мало поры-времени — на три́ году,
На́ три году й на́ три месяца,
А который бы дородней добрый молодец
По́стоять бы мог за веру й за отечество,
Сохранить бы мог наш Киев-град,
А сберечь бы мог он церкви божии,
Да й сберечь бы мог меня, князя́ Владимира.

Тут у славного у князя й у Владимира
А любима й была дочь одинакая,
Говорит она да й таковы слова:
— Ай же, батюшка да й ты Владимир-князь,
А прости-ка ты й меня в вины великойей,
А я сделала ключи поддельныи,
Положи́ла людей потаённых
На тыи погребы глубокии,
Да й снесли-та й ествушки саха́рнии.
Да й снесли-та й питьвица медвяныи.
Да й перинушки-подушечки пуховыи,
Одеялушки снесли да й теплыи,
А сапоженки на ноженки сафьянныи,
На себя снесли да й кунью шубоньку,
А шапку на головушку й соболиную
А тому ль дородню добру молодцу,
Старому коза́ку Илье Муромцу.
Он есть жив богатырь святорусский,
В полону́ сидит да й под обидою,
Он не старится да й лучше ставится.

Тут Владимир-князь да й стольне-киевский
А берет Владимир золоты ключи,
А идет на погребы й глубокии,
Отмыкает погребы глубокии,
Усмотрел он дородня добра молодца,
Старого коза́ка Илью Муромца.

На себе у него́ да й кунья шубонька,
А сапоженьки на ноженьках сафьяннии,
На головке шапка соболиная,
Да й перинушки-подушечки пуховыи,
А одьялышки да й еще теплыи,
Перед ним стоит ествушка сажа́рнии,
Перед ним сто́бит питьвицо медвяныи,
В полону́ сидит бога́тырь святорусьскийи,
Он не старится, да й лучше ставится.
Тут Владимир-князь да й стольне-киевскийи,
Он берет ёго й за ручушки за белыи,
Да й за перстни брал да й за злачёныи,
Целова́л во уста́ да й во сажа́рнии,
Да й повел его в палату белокаменну,
Приводил его в палату белокаменну.
Да й во горенку он во столовую,
Да й садил за столики дубовыи,
За тыи за скамеечки окольнии,
Да й кормил я́го ествушкой сажа́рнойи,
Да й поил я́го питьвицем медвяными,
Говорит Владимир таковы слова:
— Ай же, старый козак ты Илья Муромец,
Ты прости меня в вины великойи,
На меня ты, князя, ведь не гневайся,
А постой-ка ты за веру й за отечество,
Да й за тот за славный стольней Киев-град,
Да й за тыя ль за церкви да й за божии,
За меня, за князя за Владимира:
Наш ведь Киев-град да й в полону́ стоит,
В полону́ стоит да й под обидою —
Обошла ведь его литва поганая
А того ль собаки царя Ка́лины,
Хочет черных мужичков он всех повырубить,
Хочет божьяи церкви все на дым спустить,
А меня, князя Владимира, в полон возьмет
Со Опраксией да й королевишной.

Так тут старый козак да Илья Муромец
Он поел тут ествушек сажа́рнихи,
Да й попил тут питьвицов медвяныхи,

Выходил за столиков дубовых,
Да й за тых скамеечек окольных,
Выходил на славный на широкий двор,
Да й на тот на славный стольне Киев-град,
Он ходил-гулял по городу по Киеву,
Цельный день гулял с утра й до вечера,
Заходил в свою палату й белокаменну,
Да й во тую ль горенку столовую,
Он садился к столику дубовому,
А за тьи скамеечки окольныи,
Он поел тут ествушки сахáрной,
Да й попил он питьвицов медвяных,
Спать ложился й на кроваточку тесовую,
Да й на тую ль на перинушку пуховую,
А поушрушку вставал ранёшенько,
Умывался он да до белёшенька,
Одевался он да й хорошёхонько,
Он одел одёжу драгоценную,
А снарядную одёжицу опальную,
Манишечки-рубашечки шелкóвыи,
Да й берет свой тугой лук разрывчатой,
А набрал он много стрелочек каленых,
А берет свою он саблю вострую,
Свое вострое копье да й муржамецкое,
Выходил мóлодец тут на широкий двор,
Заходил он в конюшню во стоялую,
А берет тут молодец добра коня,
А берет коня за поводы шелкóвыи,
Яго добрый конь да й богатырский,
Не в примёр лучше он выпоен да й выкормлен
У его ли паробка любимого.

Говорит тут старый козак Илья Муромец:
— Ай же, верный мой слуга ты неизменныи,
Я люблю тебя за то и жалую,
Что кормил, поил ты моего добра коня.

Он берет коня за поводы й шелкóвыи,
Выводил коня да й на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Стал добра кóня мóлодец заседлывать,

Он заседлывал коня да й закольчуживал,
Садился молодец да й на добра коня,
Да й поехал молодец и с широка двора,
С широка двора в раздольице чисто поле,
Подъезжал ко рать-силы великойей.
Он вскочил на гору й на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не мог насмотреть конца й краю силы татарскойей.
А скрозь пару-та ведь лошадиного,
Да скрозь того пару человеческого
Да й не может пропекать да й красно солнышко,
Ото ржания да й лошадиного
А от покриков да й человеческих
Ужахается сердечко й молодецкое.
А тут старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокойей,
Он тут ехал по раздольицу й чисто полю
А об эту рать-силу великую.
А скочил на ету гору на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не смог насмотреть конца й краю силы татарскойей;
От того ли пару лошадиного,
Скрозь того пару человеческого
Не может пропекать да й красно солнышко.
Ото ржания да й лошадиного,
От покриков да й человеческих
Ужахается сердечко й молодецкое.
Старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокойей,
Он тут ехал по раздольицу й чисто полю,
А об эту рать-силу великую,
Да й скочил на гору й на высокую,
Посмотрел на все четыре й на сторонушки,
Посмотрел он в восточную сторонушку, —
А во той восточной сторонушки,
Во славном во раздольице чистом поли
Стоят добры кони богатырски
У того ль они да й у белая шатра,
Оны зоблют пшеницу белоярову.

Так тут старый козак да Илья Муромец
Он спускался с той горы высокой
А поехал в восточную сторонушку
Ко тому он да й ко белú шатру.
Приезжал молодец тут ко белú шатру,
Становил коня он богатырского,
Выходил на матушку й сыру́ землю,
Принакинул ко́ню й поводы шелко́выи,
Он спустил коня к полóтну белому.
Яго й добрый конь да й богатырски
Смелой грудью шел к полóтну белому,
А все добрыя кони расскочилиси.
Говорит старый козак тут Илья Муромец:
— А ведь верно есть еще й во белóм шатри
А мне-то есть еще божья́ помочь.

Тут старый козак Илья Муромец
Заходил тут он да й во бело́й шатер,
А во том во славном во белóм шатри
А его крестовый еще й батюшка,
А Сампсон-то и есть да и Самойлович
Со своей дружинушкой хорóброей,
Он садится хлеба-соли кушати.
Говорит Самсон да й таковы слова:
— Ай же, крестничек да ты любимый мой,
Старый козак да Илья Муромец,
А садись-ка с нами за единый стол,
А поешь-ка ествушки сахáрнеей,
Ты попей-ка питьвицов медвяных.

А тут старый козак да Илья Муромец
А сядился молодец тут за единый стол,
Да й поел он ествушек сахáрниих,
Да й попил он питьвицов медвяных.
Тут удалыя дородни добры молодцы
А ложатся спать да й во белóм шатри.
Говорит Илья тут таковы слова:
— Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
А Сампсон же ты да и Самойлович!
А вы вся дружинушка хоробрая,
Вот седлайте-тка ко́ней богатырских,

Да й поедемтя в раздольице в чистó поле,
Постоимтя за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церкви божии,
Сберегёмте мы князя й Владимира.

Говорит тут Самсон еще й Самойлович:

— Ай же ты, любимыи мой крестничек,
Старый козак да Илья Муромец,
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й чистó полё
В поле биться, больно й раниться,
А на тыи на удары й на тяжелыи,
А на тыи ль побоища на смёртныи:
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да и бояринов,
Он их кóрмит, пойт, да он их жалуёт,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели.

Так тут старый козак да Илья Муромец
Он ведь бьет челом еще-й на дрúгой раз,
Говорит тут молодец он таковы слова:
— Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
А Самсон же ты да и Самойлович,
А вы вся дружинушка хоробрая.
А седлайте-тка кóней богатырьских,
Да й поедемтя в раздольице в чистó поле,
Постоимтя за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церкви божии,
Сберегёмте мы князя й Владимира.

Говорит тут Самсон еще й Самойлович:

— Ай же ты, любимыи мой крестничек,
Старый козак да Илья Муромец,
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й чистó полё,
В поле биться, больно й раниться,
А на тыи на удары й на тяжелыи,
А на тыи ль побоища на смёртныи:
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да и бояринов,

Он их кóрмит, пойт да и жалуёт,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели.

Старый козак да Илья Муромец
А он бьет челом еще й по третий раз,
Говорит молодец да й таковы слова:
— Ай же ты, крестовый мой батюшка,
А Самсон же ты да и Самойлович,
А седлай-тка кóней богатырьских,
Мы поедемте в раздольице чистó полё,
Постоимте за веру за отечество.
Сохранимте вы да й церкви божи,
Сберегёмте вы князя Владимира.

Так тут все молодцы́ на спокой легли.
А старый козак Илья да Муромец
Выходил молодец да из белá шатра,
Да й садился молодец тут на добра́ коня,
А выехал в раздольице й чистó полё
Да й ко той ли рать-силе ко великойей.
Подъезжал он ко рать-силе ко великойей,
Он просил себе тут бога на́ помочь,
Да й пречистую пресвятую богородицу,
Препускал коня он богатырьского
На етую на рать-силу великую.
А он стал как силы с крайчика потаптывать,
Как куда проедет — па́дёт улицмы,
Перевёрнется — дак переулкамы.
Яго добрый конь тут богатырьский
Взлепетал язы́ком человецким:
— Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,
Напускаешь ты на рать-силу й великую,
А ведь сила есть тут очинь сильняя,
А ведь воины-то есть могучии,
Поляницы есть ведь разудалыи;
Есть три пóдкапа подкóпаны глубокиих,
Я прогрязну в первы ямы-пóдкапы глубокии,
Я оттуда с пóдкапов повыскочу,
А тебя Илью й Муромца повыздыну;
Я прогрязну в други ямы-пóдкапы глубокии,
А я с дру́гих ям-то ведь повыскочу,

А тебя Илью Муромца й повыздыну;
Я й прогрязну в третьи ямы-пóдкопы глубокии,
Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца не выздыну.

Разгорелось сердце й у богáтыря
А у старого ль козáка Ильи Муромца,
Говорит тут он да й таковы слова:

— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок,
Ты оставить хочешь в ямах во глубокиих!

Он берет тут в руки плеточку шелкóвую,
Он тут бил коня да й по тучнóй бедры,
Перьвый раз он бил коня между ушей,
Дрúгой раз он между ноги между заднии,
А давал удары всё тяжелыи.
Яго й добрый конь тут богатырскии
По чистú полю он стал поскакивать,
Не в пример он зло поехал по чистú полю.
Он прогрязнул в перьвы ямы-пóдкопы глубокии,
А он с перьвых ям еще й повыскочил
Да й козáка Илью Муромца й повыздынул.
Он прогрязнул в други ямы-пóдкопы глубокии,
А он с дрúгих ям еще й повыскочил
Да й козáка Илью Муромца повыздынул.
Он прогрязнул в третьи ямы-пóдкопы глубокии,
С третьих ям конь еще й повыскочил,
А козáка Ильи Муромца й не выздынул,
Он свернулся с седельшка черкальского,
А упал в ямы-пóдкопы глубокии.

Не могли захватить коня й татарова.
Тут напáдали татарова й поганыи
На того ль дородня добра молодца,
Да й сковали Ильи да й ножки резвыи,
Да й связали Ильи да ручки белыи,
Да й хотели срубить буйну й головушку.

Говорят тут татарова й поганыи:
— Не рубите-как ему буйнóй головушки,
Это есть богáтырь святорусськии.
Вы сведемте его к собаки царю Кáлину,
Что он знает — над ним дак то пусть и делаёт.

Повели тут дородня добра молодца
А к тому собаке царю Калину.
Приводили к собаке царю Калину
А вот она да и во бел шатер.
Говорит собака ли царь Кáлина:
— Ай же ты, стерьва й молодой щенок,
Напускаешь ты й на рать-силу великую,
А ведь сила есть тут очень сильняя,
Воины ведь есть могучии,
Поляницы есть ведь разудалыи,
Есть три пóдкапа подкопаны глубокии,
Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,
Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,
Ничего ведь вы от князя не предвидите,
А служи ты мне, собаке царю Кáлины,
Положу я тебе ествушку й сахáрнию,
Положу я тебе питьвица медвяныи,
Я дарить буду й дáры драгоценныи.

Говорит собака ли царь Кáлина:
— А раскуйте-ка Ильи вы ножки резвыи,
Развяжите-ка Ильи да ручки белыи.
Расковали Ильи да ножки резвыи,
Развязали Ильи да ручки белыи,
Старый козак тут Илья Муромец
А вставал мóлодец на резвы́и ноги,
Говорит тут он да й таковы слова:
— Ай же ты, собака ли царь Кáлина,
Не могу я служить тебе, собаке царю Кáлины,
У меня сделаны зáповеди вели́кии,
Что служить мне князю-то Владимиру,
Сохранить мне надо стольний Киев-град,
Сберегать я й буду церкви божии,
Сохранять буду́ веру православную,
Сберегать буду́ князя Владимира.

Так тут старый козак Илья Муромец
Повернулся он тут в шатри белоем
Да й пошел в раздольице в чистó полё.
Говорит собака ли царь Кáлина:
— Ай же, мои вы слуги верныи,

Вы скуйте-ка Ильи да й ножки резвыи,
Вы свяжита Ильи да й ручки белыи.

Тут напáдали татарова поганыи
На того ль козáка Илью Муромца,
А тут старый козак да Илья Муромец
Он схватил татарина как за ноги,
Он как стал татаринoм помахивать,
Он тут стал татар да й поколачивать,
А татары от него да й стали бегати.
А он бросил татарина тут в сторону
Да й пошел в раздольице й чистó полё.
Пригодились быть при себе свистки да й богатырскии,
Засвистал в свистки он богатырскии —
Яго добрый конь тут богатырски
Прибежал он из чистá поля
А со всею сбруей богатырскойей.
А тут старый козак да Илья Муромец
Он берет коня за поводы шелкóвыи,
Садился молодец тут на добрá коня,
Да й поехал по раздольицу й чистú полю.
Он вскочил на гору й на высокую,
Посмотрел в восточную сторонушку, —
А во той восточной сторонушки
А стоят кони богатырски
У того ли они да й у белá шатра,
Они зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый козак да Илья Муромец
Выходил на матушку й сыру землю,
Скоро й тúгой лук разрывчатой отстéгивал
От правого ль стремечки булатного,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил он стрелочку каленую,
Говорил Илья да й таковы слова:
— Ты просвистни, моя стрелочка й каленая,
А во славное раздольице чистó полё,
А пади-ка ты да й в етот бел шатер,
А ты выхвати крышку со белá шатра,
Да й пади Самсону на белы́ груди,
Выхвати цапеньку й немалую,

А немалую цапенку невредимую.

Да и спустил он тетивочку шелковую

А во эту стрелочку каленую.

Тут просвистнула яго стрелочка каленая

А во это славныи во бело́й шатер,

Она и выхватила крышку со бело́й шатра,

Она пала Самсону на бело́й груди.

У того ль Самсона у богатыря

Пригодился быть да крест на вороти,

Крест на вороти да и ровно три пуда.

Пробудился он от звону от крестового,

Да и вскочил Самсон тут на резвы́ ноги,

Говорит Самсон тут таковы слова:

— Ай же, мои братица крестовыи,

Вы богатыри да святорусскии,

Вы вставайте, братцы, на резвы́ ноги.

Да и седлайте ко́ней богатырских:

Прилетели нам гостинички-подарочки

От моего́ крестничка любимого,

А от старого коза́ка Ильи Муромца,

А его ведь стрелочка каленая

Выхватила крышку и со бело́й шатра,

А пала мне́ да и на бело́й груди.

Вы поедемтя в раздольице в чисто́ поле,

Постоимтя за веру за отечество,

Верно мало ему в поле можется,

Сохранимте мы да стольний Киев-град,

Сохранимте мы да и церкви божии,

Сберегёмте мы князя и Владимира.

Тут удалыя дородни добры молодцы

Оседлали ко́ней богатырских,

А садились на ко́ней богатырских,

А поехали в раздольице и чисто́ поле,

А ко этой ко рать-силе великоей.

А старый козак тут Илья Муромец

Он тут смотрит с горы высокой,

А куда поедут эти двенадцать да и богатырей —

А ко рать ли силе ко великоей,

Аль во то́е во раздольице чисто́ полё.

Тут поехали двенадцать-та й богатырей
А ко той ли рать-силе да й великоей.
А тут старый козак да Илья Муромец
Он поехал наперелуч тринадцатый.
Оны съехались тут, поздоровались,
Становили добрых коней богатырских,
Оны делали сговор между собой,
Как же им побить литва поганая.
Говорит старый козак да Илья Муромец:
— Ай же, мои братица крестовыи,
Вы богатыри да святорусскиеи,
А ведь сила есть тут очень сильная,
А ведь воины тут есть могучии,
Поляницы тут есть разудалыи.
Есть три подкопа подкопаны глубокии.

Тут удалый дородни добры молодцы
А просили себе да й бога на помочь,
Пречистую пресвятую богородицу.
Припускали добрых коней богатырских
А на етую на рать-силу великую,
Стали силы с крайчика й потаптывать.
А куда поедут — падёт улицмы,
Перевернётся — дак переулкамы.
Оны вытоптали силушку, повыкололи,
А того ль собаку царя Калину
А оне его да ведь и в плен брали.
Говорят удалы добры молодцы:
— А отрубимтя собаке буйну й голову.

Говорит старый козак да Илья Муромец:
— Ай же, моя братица крестовыи,
Вы богатыри да й святорусскиеи.
Не рубите ему буйной головушки,
А свеземте яго да й во стольний Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Что он знает над ним, так то пусть делает.

Привозили тут собаку Калина
А во тот во стольний Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Говорят удалы добры молодцы:

— Ты Владимир да й князь стольне-киевский.
Привезли тиби царя Кáлину,
Что ты знаешь над ним, да то и сделаешь,
А яго мы рать-силу великую
Мы разбили в раздолице чистóм поли.

Говорит тут князь Владимир таковы слова:

— Благодарствуй вас, могучии богáтыри,
Что стояли вы за славный стольний Киев-град.
Охраняли да й церкви божи,
Сберегли меня, князя Владимира.

А того собаку царя Кáлину
Отпустил во славу во темnú Орду.
Да и тым былиночка й покончилась.

*(Записано 3-4 марта 1921 года В. Н. Всеволодским-Гернгроссом в
Петрограде.)*

Былины Ивана Герасимовича Рябина-Андреева. Подготовка текстов и
примечания А. М. Астаховой. Статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-
Гернгросса. Петрозаводск, 1948.